

4. Письма А. Ф. Сторожевой. «И как уехал — не писал...» // Подюков И. А., Чагин Г. Н., Шляхова С. С. Фокеевна: Документальная повесть. Пермь, 2009. С. 67–77.

5. Подюков И. А., Хоробрых С. В. Голуби на часовенке: Сказки и песни деревни Усть-Уролка. Пермь, 2009.

6. Сморгунова Е. М. Духовница матушка Галина // Русские старообрядцы: язык, культура, история. М., 2008. С. 359–365.

7. Чагин Г. Н. История в памяти русских крестьян Среднего Урала в середине XIX — начале XX вв. Пермь, 1999.

8. Чагин Г. Н. Уролка, Усть-Уролка... [Этногр. очерк] // Подюков И. А., Ча-

гин Г. Н., Шляхова С. С. Фокеевна: Документальная повесть. Пермь, 2009. С. 6–29.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект № 14-14-59009а(р) «Наивная литература в современной региональной культуре Прикамья».

Светлана Юрьевна Королёва, канд. филол. наук
Ксения Валерьевна Виноградова, студентка
Пермский гос. национальный исследовательский ун-т

«ПРОСТО ЖИЗНЬ» КОМИ-ПЕРМЯЧКИ КЛАВДИИ БЕРЕНЮК

«Просто жизнь» — название главы из мемуаров, написанных Клавдией Григорьевной Беренюк. Она работала над ними, будучи на пенсии и живя далеко от места рождения, в пос. Двубратский Краснодарского края. Вместе с мужем, уроженцем Западной Украины, попавшим на Урал «по вербовке», она обосновалась на Кубани, и трудно не увидеть в этом своего рода компенсацию за детство и юность, проведенные в самом суровом районе Коми-Пермяцкого округа — Гайнском, проживание в котором приравнивается к жизни в условиях Крайнего Севера.

Незадолго до выхода из печати книги Клавдии Григорьевны опубликовал небольшую книгу ее двоюродный брат Григорий Иванович Мизёв; свой труд он написал в соавторстве с их общим родственником А. В. Златиным, уроженцем д. Мысы Гайнского района. Как и многие сочинения непрофессиональных авторов, «Люди нашей деревни» — книга, к которой привычная жанрово-стилевая классификация может быть применена с долей условности. Она включает историко-этнографический очерк, перемежающийся публицистикой, изложение семейной истории одного из авторов, карты-схемы деревень, фотографии из семейных архивов. Особое место занимает длинный список имен жителей, сгруппированных по семьям; он представляет собой, по сути, коллективный помянник — не имеющий религиозной цели (помяновение за здравие и упокой), но обладающий выраженной мемориальной функцией¹. Мемуары Клавдии Беренюк, принципиально иные по своему характеру, представлены как продолжение этой книги; их, как и первую часть, издал маленьким тиражом за свой счет Г. И. Мизёв. Они вышли в 2012 г. по месту его жительства — в сибирском городе Железногорске, и его же усилиями несколько экземпляров оказались на родине автора и издателя — в Коми-Пермяцком округе².

История жизни, с удивительной подробностью и прямотой пересказанная Клавдией Григорьевной, — еще один случай «обретения голоса» человеком из числа тех, кого причисляли к «безмолвному большинству». «Внутренний потенциал» такого рода текстов — весьма далекий от того, чтоб быть исчерпанным, — всё чаще привлекает внимание исследователей (см., к примеру, [2; 5]); в научный оборот вводятся материалы, относящиеся как к самому началу XX в., так и к более позднему — советскому и постсоветскому — времени [1; 4; 8]. Воспоминания Клавдии Беренюк, чья жизнь началась в деревенской семье с еще вполне традиционным бытом, интересны тем, что показывают изнутри глубинные «тектонические сдвиги», происходившие в традиционном мышлении и укладе в советскую эпоху, когда был запущен масштабный процесс модернизации.

Для публикации мы выбрали несколько фрагментов³, где этот процесс отразился наиболее ярко. Детство автора прошло «между двух укладов»: оно началось в отдаленной северной коми-пермяцкой деревне (постепенно меняющейся под влиянием коллективизации), а закончилось в леспромхозе, куда мать Клавдии Григорьевны устроилась на работу после очередного замужества. Тяга автора к подробному письму, где без смущения фиксируются и смешиваются разнопорядковые детали и подробности, позволила отразить этнографию советского барачного быта, описать повседневно в леспромхозного поселка. Его жителями становятся «раскрестьянившиеся» крестьяне — пострадавшие в предшествующие десятилетия семьи, уже не способные прокормиться крестьянским трудом в связи с болезнью или утратой кормильца (такова судьба матери и старшей сестры автора), оставшиеся на поселения бывшие лагерные заключенные (отчим) или «завербованные», приехавшие на север в поисках лучшей доли (будущий муж).

Некоторые особенности мемуаров не отразились в публикуемых фрагментах. Клавдия Беренюк обладает поразительной способностью описывать не только события, но и чувства и состояния, часто игнорируемые авторами крестьянских воспоминаний, как не имеющие ценности («Мне очень нравились ботинки, где земля сырая, встану на ноги, постою, убираю ноги и люблюю следом»). Возможно, ее повышенной чуткостью можно объяснить наличие в мемуарах отдельной главы, посвященной жизнеописанию мужа; увлекаясь, автор незаметно переходит с 3-го лица на 1-е: «Когда бой утих, они [мать с детьми] пошли дальше. Остановились у одного дома. <...> Мне очень хотелось есть. Я всё дёргал маму за подол и просил есть». В этой же манере Клавдия Григорьевна рассказывает о драматичных событиях, весьма далеких от ее собственного детства, прошедшего в глубоком тылу: «Когда я нашёл маму, я ей говорю, что меня ранило, а мама говорит: — Подожди, сынок, до утра. Я потерял сознание. <...> Утром Соня говорит, что мама умерла. <...> Соня взяла Стёпку [младшего брата], я на одной ноге с палкой. Лена не пошла, сказала, что умрёт рядом с мамкой»⁴. К повествованию от собственного лица она возвращается, лишь когда начинает описывать знакомство с будущим мужем. Чертами, определяющими характер композиционного построения и стиля, становится

Клавдия Григорьевна Беренюк. Фото 1961 г.

введение большого количества имен (часто без пояснений) и связанных с этими людьми воспоминаний, уводящих в сторону от основного повествования, не соотносящихся с ним и напоминающих поток сознания. Неизбежными оказываются смешения событий, относящихся к разным периодам жизни автора (иногда такой спонтанный «монтаж» может производить довольно сильный, хотя вряд ли специально предусмотренный эстетический эффект)⁵.

Судьба Клавдии Григорьевны сложилась благополучнее, чем у ее матери и старшей сестры. Она прожила долгую жизнь с единственным мужем, не раз меняла работу и проходила учебу, немного болезненно пережила выход на пенсию в 1990-е («как-то обидно, что все люди идут на работу, а ты уже никому не нужна») — и в конце концов обрела душевный покой, погрузившись в домашние хлопоты. Возможно, есть некоторая ирония в том, что и на Кубани атмосферу поселка, где она осела, определяло учреждение, связанное с лишением свободы (исправительно-трудовая колония), но автор по этому поводу не рефлексирует. Последние сцены, которые мы видим, изображены почти идиллически — такова награда современных российских Филемона и Бавкиды: «Еще в 1989 г. дали землю под дачу. Там построили маленький домик, кирпичный: есть, где отдохнуть. Там же он [муж] занимается с машиной “Москвич 412” держали с 1979 г. до 2010 г. и в конце августа поменяли по программе Путина на “Лада Калина”. Наша машина новая, но Саша, же не может, чтобы не лазить под ней».

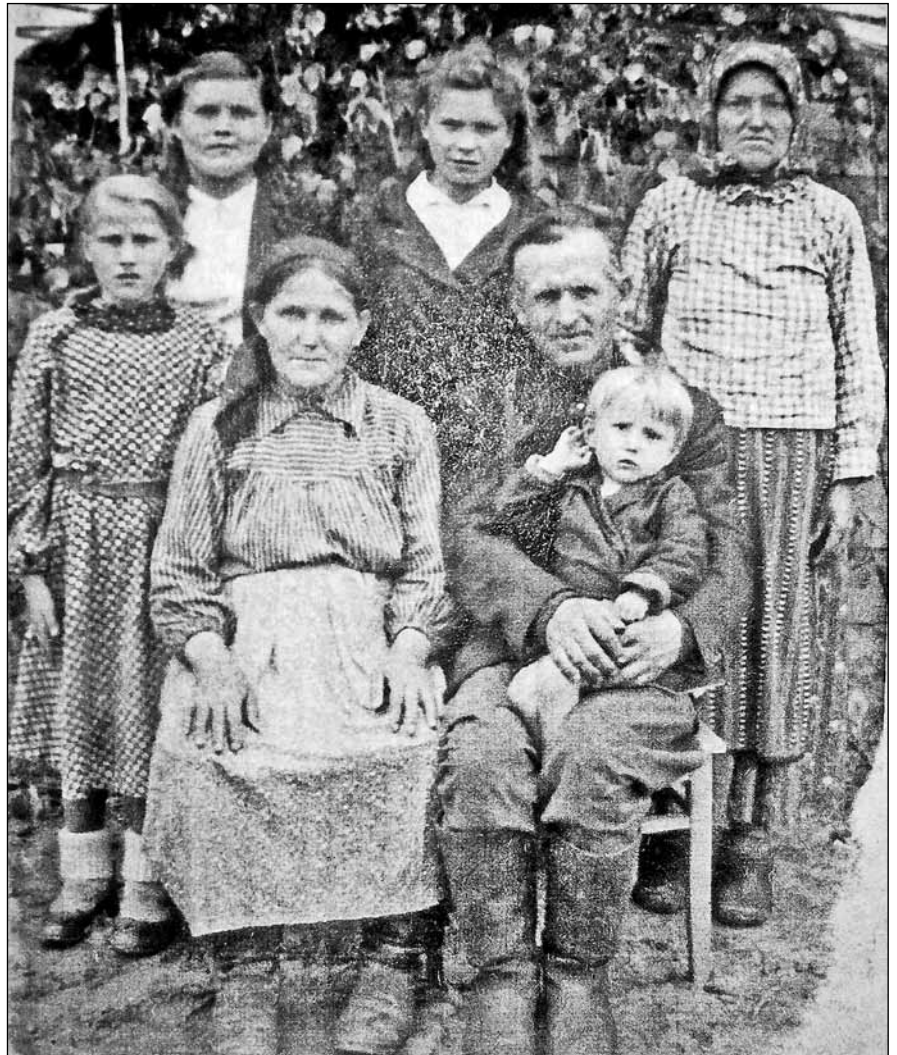
[ДЕТСТВО]

Мой отец Кузнецов Григорий Афанасьевич жил почему-то у дяди. У них были два дома, построенных под одной крышей с коридором между ними. В одном доме жили они с семьёй. У них были дети: Василий, Матрёна, Денис и Николай. Мать звали Анастасией.

В другом доме жили мы — папа, мама, Александра, которая родилась 21.05.1933 г. Отец служил в армии три года. Я родилась в 1937 г. в феврале или марте месяце. Отец умер 19 февраля 1937 г. Мама говорила, что я родилась через две недели после смерти отца. Меня не зарегистрировали в сельсовете, хотели, чтобы я умерла: кому нужны дети — «безотцовщины».

Через два года мама вышла замуж за Лесникова Фёдора Яковлевича из деревни Сойга. Я его ещё помню. Он в деревне Тошиб построил дом. Летом он пахал землю в колхозе и меня всегда брал с собой, катал на лошади. Зимой их отправляли на лесозаготовки. Шура его не любила, когда он пахал, она собирала гэнян — корень растения, как морковь, только мельче и очень сладкий⁶. Мама сушила потом, и делала квас.

В 1941 г. всех мужчин забрали на фронт. У нашего дома было очень много людей,

Семья Капачевых. Фото из личного архива К. Г. Беренюк

все почти на лошадях. У отца был конь. Он брал меня с собой до Гайнского тракта. Все плакали, а мне было весело: мне полный подол насыпали конфет разноцветных — горошек.

07.11.1941 г. мама родила Раю. Мы с Шурой помогали маме.

Летом всех женщин колхозниц посылали на сенокос на неделю, наверное, на реку Лупью. Мы ходили маму встречать. Они нам приносили полный пестер черёмухи, смородину, рыбу и чёрного хлеба около килограмма или полкилограмма. Какой же он был вкусный: им на сенокос давали этот хлеб. Они сами не ели, а приносили детям. Сами они ели травяной хлеб, который брали из дому. На хлеб картошки нужно было тереть ведра два на один раз. Потом в эту массу надо было сыпать сухую травяную муку из травы «пагырвудж»⁷, перемешать и получалось картофельно-травяное тесто. Травы сухой нужно было много на два ведра тёртой картошки.

Как-то раз мама говорит: — Давайте мы тоже попробуем кору пихты есть, некоторые же едят. Пошли в лес, настругали кору длинными ленточками, попробовали на вкус: она оказалась сладкая. Повесили ленты на забор сушить и высушили. В ступе стали дробить, просеяли через сито. Получилась мука бе-

лая с жёлтым оттенком. Мама сварила кашу из этой муки в виде хлеба на капустном листе в печи. Получились лепёшки, они поднялись, стали сладкими. Потом мы не смогли ходить в туалет, а мама опухла, её переворачивали с боку на бок соседи. Больше мы ничего такого не ели, кроме картошки и травы. У нас была корова белая с рыжими пятнами на шее, голова и рога большие. Как-то она отелилась, принесла телочку, её мы назвали Машей, до этого все были бычки. Один мужик просил маму, чтобы она продала и отдала телёнка, но мама не отдала. Он тогда маме сказал, что попомни меня⁸. Он жил на верхней улице, звали его Василий Федорович. Тогда наша корова начала бегать за телёнком и кормить её. Ей никакие заборы были нипочём. Пришлось телёнка резать. Корову, чтобы домой загнать, собрался народ со всей деревни. Она не давала молока, чтобы подоить. Мама звала Варлаама, привязывали корову за рога к углу сарая и так доили. Потом маме надоело, и она бросила доить корову и она бродила, как бык, домой не приходила. Осенью её резали.

[РОДСТВЕННИКИ]

Помню бабушку Антонику, её все звали так. Она видимо была русской, говорить пермячки не научилась, разговаривала, пу-

тая слова, то по русски, то по пермячки. Жила она с тёткой Анной у дяди Гриши, детей не имела. Была она толстая, как казалось мне.

У мамы было 4 сестры: Анастасия, Матрёна, Анна, Федосья и 3 брата: Иван, Александр, Алексей. Тётка Настя была хромая, замуж не выходила. Когда родители умерли, она с дядей Ваней заменила их. Когда бабушка Наталья умерла, маме было 3 года, а дяде Алексею 1,5 года. Тётка Настасья жила там, где она нужна была. Когда умер мой отец, она жила у нас, помогала маме нянчить меня и Шуру. Когда пропал без вести Федор — отец, она помогала нянчить Раю.

Сестра Шура с Иваном Созоновым жили в п. Мыслес. Первый сын у Шуры рождения 1956 г. Родители Иван и Шура пошли на работу. Коля был маленький. Ваня видел, как кормили детей с соской. Он нашел бутылочку уксусной эссенции, надел соску на горлышко и дал ребёнку. У него все внутри сгорело. Срочно отвезли в больницу в п. Кебрата, там он умер. Дядя Александр похоронил его в п. Шордын на кладбище в ногах у тётки Насти.

Про дядю Алексея почти ничего не знаю. Мама говорила, когда она вышла замуж в д. Тошиб, он каждое утро на лошади приезжал к ним. Он был женат на акушерке Татьяне Прокопьевне. Они мои крёстные. Когда я училась в г. Кудымкар, я её видела. Она живёт в Юсьве. Когда мы ездили в отпуск на Украину, мы заезжали к ней.

У тётки Анны была швейная машина. Небывалая по тем временам роскошь. Она шила нам и людям, ей принесли по чашечке зерна. Швейная машина была типа «Зингер». Можно было шить всё. Когда тётя Анна умерла, мама забрала машину в п. В-Будым. Когда я маму забрала в Краснодарский край, всё отвезла Шуре в п. Кебрата. Мы из п. Жечужный, отвезли вещей целую автомашину. И у мамы за столько лет набралось полно барахла, жернова, станок ткацкий. Только швейных машин было три штуки. Целую платформу отвезли Созонову Ивану. Я очень жалела только швейную машину, которая была у тетки Анны. Когда Шура уехала от него, то он кому-то продал всё, даже детям не оставил ничего. Иван Созонов очень издевался над Шурой. Однажды её так избил, что она целый месяц лежала в больнице. Избитую ее нашли чужие люди и отвезли в больницу. Её нашли в болоте. Они же дом покупали у Мизева Лазаря Никитьевича в п. Кебрата. У них была баня. Он собирался её в бане убить или обварить. Старший сын приехал и увёз её к нам. Ей даже переодеться не во что было. Я устроила её на работу на комплекс — на ферму — нисихман, так называется отделение, где принимают роды у коров и ухаживают за телятами две недели, получают привес. Им за это начисляется зарплата. Она начала получать хорошие деньги. Дали ей однокомнатную квартиру с печным отоплением. Купили все необходимое. Холодильник, телевизор, кровать, стол, посуду, диван дали мы. Чем могли, тем

и помогали. Она познакомилась с Борисом Руденко и стали жить вместе.

[ДЕРЕВЕНСКИЙ БЫТ]

Когда жили в д. Тошиб, у нас в доме стоял ткацкий станок. Тогда выращивали лён, он рос невысоко, цвёл очень красиво голубыми цветками. Мы ходили рвать лён с Шурой. Маме было некогда: летом она работала, пахала землю. Лошадь была серая, я очень любила на ней ездить. Всегда просила, чтобы мама мне разрешила отвести её на пастбище.

Когда лён убрали, его вымачивали, потом сушили. Был такой столик из досок на ножке, сбиты две доски посередине, также доска с ручкой на шарнирах. Укладывали лён на эти доски и верхней доской прижимали. Тогда получалась кудель. Не помню, как этот станок называется. Потом эту кудель расчёсывали «зудом», как расчёска, тогда расчёсок не было, изготавливали сами. Выдергивали щетину у свиней, собирали в пучок и заливали смолой, оставляя концы щетины определенной длины. Этой расчёской и расчёсывали нас мамы. Волосы были длинные у нас.

Из кудели пряли нитки. Из очень тоненьких ниток ткали тонкое полотно. Полотно отбеливали только летом. Сначала таскали до колодца, а там вода бежала по желобу. Полотно там стирали, били так называемым «палочком»⁹. Потом укладывали полотно на лужайку, стелили и сушили на солнце и оно отбеливалось. Мы очень любили бегать по полотну. Так оно всё лето отбеливалось. Из этого полотна шили одежду, простыни, наволочки, этим же и накрывались. Когда нужно было прость много, к нам часто приходила Вера сумасшедшая. Она много прядла, иногда она шила у нас одежду на всю семью. Какое-то время она себя вела хорошо, потом с ней что-то случилось, и она начала ругаться, материться. Успокаивалась и опять прядла. Была ещё одна женщина Катя, у нее тоже не хватало, она тоже к нам приходила. Был ещё парень, тоже к нам приходил, просто, чтобы покушать. Мы его не пускали без мамы: у него была эпилепсия. Он падал, бился руками, ногами, головой и из его рта бежала пена в это время. Мы его боялись. Когда заканчивали ткать ситец, переходили на половики.

Ещё мама обдывала кожу. На западнее стояли большие бочки (кадки). Делали квас кислый, кислый, выливали в бочки, туда помещали кожу, когда квас был уже готов. Кожа была не сухая, а еще шкура. Когда резали скотину, на зиму замораживали мясо. От этих бочек шел страшный, вонючий запах. Выдерживали там месяца два, шкуру вытаскивали. Шерсть с кожи снимали руками. Снималось легко. Потом кожу дубили. Ошкуривали дерево, приносили домой, сушили кору, ломали на мелкие кусочки и сыпали в бочку, заваривали, когда остынет, в бочку помещали кожу. Через определенное время кожу вытаскивали. Кожа становилась очень лёгкой. Потом кроили кожу на коты, бахилы, шили, чтобы воду не пропускало, обувь мазали дёгтем.

[ОТЧИМ]

После войны к ним в Тошиб в колхоз прислали 3-х мужиков: Полянского, Капаева, Тимирханова. Маму все трое сватали. Полянский мне нравился: он с нами детьми больше общался, то он обувь починит, то я нашла в амбаре старые ботинки и он починил. Капаев не был разговорчив. Тимирханов был молодой. Я говорю: — Мама, выходи за Полянского. Мама говорит, что у него есть семья, и он все равно уедет к семье. И выбрала она Капаева Даниила Андриановича. У него в Курской области Тимском районе была мать и двое детей: Василиса и Нэля. Жену убили немцы.

Когда мама с Капаевым начали жить, жизнь у них изменилась в лучшую сторону. Зимой он работал в п. Ужанье — лес возил. Приехал к нам и угостил нас конфетами, помню — были в зеленой завёртке. За ночь мы все конфеты съели. Утром он хотел нас угостить, но там уже ничего не было. Капаев нас обеспечил хлебом, сахаром. Мне уже не приходилось ходить за хлебом за 15 км. на Н-Будым менять картошку на хлеб. Сначала он приезжал к нам только на выходные дни. Потом он начал просить маму, чтобы она переехала к нему в п. Ужанье. Мы всё оставались в д. Тошиб. Мама пошла к нему жить. Барак был большой, жили в нем 8 семей. По углам и посередине загоразивали простынями, отдельный участок для каждой семьи. В бараке стояла чугунная печь, которую топили день и ночь. Но вода замерзала на полу. Когда я приходила на каникулы к ним, я спала у них в ногах. Они спали на топчане. Когда я к ним приходила, мама приходила в д. Тошиб, чтобы постирать, а я готовила для отца еду — какой-нибудь суп или жарила картошку. Он не мог кушать: у него не было зубов. Он был в концлагере, но нам ничего не рассказывал. Он не мог про это говорить. Потом им дали уголок в другом бараке, где было теплее. Там они жили две семьи вместе. Там мама родила Нэлю в ноябре 1949 г. Мы тогда жили ещё в д. Тошиб. Она рожала в сарае, то есть на сеновале в д. Тошиб. Потом мама Раю забрала

Зу (коми-перм.) — щеть, сделанная из пучка щетины и залитая с одного конца серой или варом. Из фондов Кочёвского районного музея этнографии и быта. 2016 г. Фото С. Ю. Королёвой

с собой, а мы остались вдвоём с сестрой Шурой. Шура часто ходила зимой к маме в п. Ужанье. Привезла сено на санках. Она говорит, что корове хватит на неделю. Меня она оставляла одну в доме. Часов у нас не было. Я иногда опаздывала в школу.

[ЖИЗНЬ В ЛЕСПРОМХОЗНОМ ПОСЕЛКЕ]

Когда на В-Будиме построили бараки, тогда Капаева перевели на В-Будым. Там были комнаты в бараке. Тогда Шуру забрали на В-Будым к маме. Получили паспорт или нет, но она устроилась работать сучкорубом. Шура любила украшения, также любила хорошо одеваться. Получит зарплату, покупала материал, шила себе платье. А отец злится, что она шьёт и крутится перед зеркалом. Зарплату она тратила на себя. В этом же бараке жили семейные, а также было общежитие. Маму устроили техничкой в общежитие. Дверь закрывали. В общежитии часто дрались, в коридоре тоже. Как-то пьяные прошли до нас. Отца, наверное, не было дома. Тогда они стучали в дверь, и мы не открыли, тогда они начали рубить дверь топором. Мама приоткрыла дверь, и они проскочили между ног. Маму сильно избили, а она была беременная, и у неё получился выкидыш. Тогда Капаев решил построить дом. Сделали сруб, поставили стены, а накрыть было нечем. Тогда мы все драли дранку. Покрыли крышу дранкой. Сами же оштукатурили стены. Сложили печь-голландку. Получилась длинная большая комната. Поставили три кровати.

Когда я пришла после сдачи экзаменов домой в В-Будым, мне мама говорит: — Были у нас сваты. Я подумала, что кто-то приходил за молоком, что мама шутит. Мама говорит, что приходили сватать меня за Худеева Николая. Капаев им сказал: — Какая она невеста. У неё ещё нет шерсти подмышкой.

Мама ходит в шубе, говорит, чтобы я ушла из дому. Я конечно, догадалась: мама будет рожать. Я пошла на работу в 18 часов. Прибегают Рая с Нэлей, зовут меня домой. Мама родила девочку. Отец, конечно, был очень недоволен, что родилась опять девочка.

Мама с отцом поговорили с Раей, чтобы она взяла меня работать в столовую. Она взяла меня техничкой. Мне надо было колоть дрова, заносить в столовую на кухню, в зал, топить печи, носить воду очень много на коромысле. Утром приходиться на работу в 5 часов утра, чтобы печку затопить, поставить воду, чтобы до прихода повара вода закипела. Когда, бывало, Клим Масольд напьётся и не может везти обед в лес рабочим, Рая отправляла меня. В термосы наливаем горячее первое, вторые блюда, чай, беру хлеб и я везу на лошади с отцом в лес и там раздаю. Там был вагончик, который отапливался. Был там прилавок с весами: надо было хлеб взвешивать. Прилавок был высокий, для меня сделала подставку. Так я продавала обед. Мне многие оставля-

ли сдачу. Сдачу не брали, говорили, чтобы я себе купила конфеты.

[ЗНАКОМСТВО С БУДУЩИМ МУЖЕМ]

Завстоловая Рая говорит, что одного парня покалечили и он не может ходить в столовую. Может быть, вы девчата по очереди будете носить ему еду? Мы согласились. Валя Сыровайко, она была немного старше меня, у нее уже был ребёнок, которого она родила, когда училась в седьмом классе, Таисия и я. Так началась у нас дружба с Сашей. Потом мы Сашу стали приглашать на дни рождения. Сначала был у Вали день рождения. В тот вечер первый раз меня проводил Саша. Когда мне исполнилось 18 лет, я тоже его пригласила. Также я пригласила Христину и Михаила из п. Н-Будым, подружек и конечно, соседей Клим с Раей, Шуру с Иваном. Иван Созонов хорошо играл на гармошке. Когда я спросила у мамы, что хочу отметить день рождения, отец сказал, что денег нет, если она хочет справить, пусть делает сама. Поставили брагу термос, водку дала Ева Андриевич: тогда с водкой было туго, закуски приготовили в столовой. После дня рождения мы с Сашей начали встречаться. Он начал предлагать мне выйти за него замуж. Я ему отвечаю: — Как мы будем жить, у нас ни ложки, ни миски нет. Он отвечает: — Наживем: мы же работаем.

Поехали мы с Сашей в п. Гайны, подали заявление в ЗАГС и начали жить вместе.

Примечания

¹ Сходные особенности встречаются и в других современных полупрофессиональных и наивно-краеведческих работах; количество таких книг возросло в 2010-е гг. и продолжает увеличиваться.

² Проявившийся географический разброс (Кубань — Сибирь — Урал) лишний раз доказывает, что для авторов сочинений, содержание которых имеет локальную привязку и мемориальную направленность, передача книги в то место, которому она посвящена, становится чем-то вроде миссии и осуществляется независимо от возникающих затрат и препятствий.

³ Текст печатается с сокращениями; авторская орфография, пунктуация и разбивка на абзацы сохраняются. Названия в квадратных скобках предложены публикаторами для удобства читателей.

⁴ В последние годы опыт советского военного детства, его вербальные (устные и письменные) презентации рассматриваются историками и антропологами в более широком контексте истории и культуры детства, сложившихся как особая область социогуманитарных исследований, см. об этом: [6; 7], в том числе библиографию [7. С. 114–115].

⁵ Эти черты сближают мемуары К. Беренюк с известным «наивным» жизнеописанием, опубликованным и прокомментированным Н. Н. Козловой и И. И. Сандомирской [3]; возможно, достаточное количество обнаруженных мемуарных текстов поставит перед исследователями вопрос о типологии стилей, характерных для литературно неподготовленных авторов.

⁶ *Гэнян* — предположительно то же, что рус. *ганьши, гоньши*; этот народный фитоним мог обозначать различные съедобные растения семейства зонтичных, в том числе *Chaerophyllum bulbosum* L. — *бутень клубненосный*.

⁷ *Пагырвудж* — букв. «кислый корень» (коми-перм.); по сообщениям учителя-филолога С. И. Жижилевой и фольклориста А. Н. Рассыхаева, в Гайнском районе этим народным фитонимом называли горец змеинный, или змеевик (*Bistorta officinalis*), из которого в голодные годы делали травяную муку.

⁸ Перед нами письменная фиксация пространственного в мифологической прозе мотива: после того как колдун произносит эту формулу, обозначающую угрозу, ее адресат обычно терпит ущерб [9].

⁹ *Палича, палица* — в народных говорах Прикамья валец для стирки белья.

Литература

1. *Веселова А. Ю.* Дедушкины рассказы // До и после литературы: тексты «наивной словесности» / Сост. А. П. Минаева. М., 2009. С. 106–175.

2. *Веселова И. С.* «Дневник бабушки Марфы» как образец бытовой словесности // «Наивная литература»: исследования и тексты / Сост. С. Ю. Неклюдов. М., 2001. С. 43–85.

3. *Козлова Н. Н., Сандомирская И. И.* «Я так хочу назвать кино». «Наивное письмо»: опыт лингвосociологического чтения. М., 1996.

4. *Любимова Г. В.* Сибирская природа в зеркале крестьянской мемуаристики (особенности экологического сознания сельского населения) // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 2. С. 67–71.

5. Первая мировая война в устном и письменном творчестве русских крестьян: По материалам Пушкинского Дома. СПб., 2014.

6. *Ромашова М. В.* Вспоминая войну: детский взгляд на большую историю // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2010. № 1 (13). С. 65.

7. *Ромашова М. В.* Дети и феномен детства в отечественной истории: новейшие исследования, дискуссионные площадки, события // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2013. № 2 (22). С. 108–116.

8. *Фишман О. М.* Локальная история в письменных нарративах тверских карел второй половины XX в. // Историческая этнография. Вып. 4: Источники и методы изучения малых групп в этнографии. СПб., 2010. С. 13–29.

9. *Khristoforova O.* “You do will remember me”: Witchcraft and power in a Russia’s local society // “Charms, Charmers and Charming”. A three-day international conference at the Pécs Committee of the Hungarian Academy of Sciences, Pécs, Hungary (Friday 15th — Sunday 17th May, 2015). Abstracts. Pécs, 2015. P. 9.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект № 14–14–59009a(p) «Наивная литература в современной региональной культуре Прикамья».